

Аріана и Синяя Борода

или

БЕЗПОЛЕЗНОЕ ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Сказка въ трехъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Синяя Борода.
Ариана.
Селизета.
Мелизанда.
Игрэна.
Белланжера.
Алладина.
Кормилица.
Крестьяне, толпа.

Дѣйствіе происходитъ въ замкѣ Синей Бороды.

ПЕРВОЕ ДѢЙСТВІЕ.

Огромная, роскошная полукруглая зала въ замкѣ Синей Бороды. Въ глубинѣ большая дверь: съ обѣихъ ея сторонъ, въ нишахъ, между мраморными колоннами, по три маленькія лвери чернаго дерева съ серебряными замками и украшеньями. Надъ этими дверями, но въ самой глубинѣ сцены, шесть монументальныхъ оконъ, къ которымъ можно подойти съ обѣихъ сторонъ залы по закругленной дѣйствицѣ, ведущей къ чему-то вродѣ внутренняго балкона. Вечеръ, люстры зажжены и окна отворены. Снаружи, то есть за окнами въ глубинѣ сцены, волнующаяся толпа; ея не видно, но явственно слышны ея крики, то испуганные, то угрожающіе, ея внезапныя движенія, топоть и говоръ. При первыхъ же тактахъ увертюры занавѣсъ поднимается и сквозь музыку раздаются голоса невидимой толпы.

Голоса толпы. Вы видѣли ея въ каретѣ?—Вся деревня ждала ся.—Хороша она?—Она на меня посмотрѣла.—И на меня!—И на меня!..—Печальная, но улыбалась...—Кажется, будто она любитъ весь свѣтъ.—Никто никогда не видалъ такой красавицы...—Откуда она?—Очень издалека,

если не знаетъ, что ее тутъ ждетъ.—Они ѣхали тридцать дней.—Онъ насъ не увидитъ... Крикнемъ, предупредимъ ее! Всѣ вмѣстѣ. Не ѣздите дальше!—Не входите въ замокъ!—Не входите,—тамъ смерть! Отдѣльные голоса. Она не пойметъ.—За ней слѣдуютъ двадцать человѣкъ изъ ея города.—Зачѣмъ?—Потому что они ее любятъ.—Говорятъ, на улицахъ плакали.—Зачѣмъ она пріѣхала?—Говорятъ, она что-то замышляетъ.—Эту ему не одолѣть!—Вотъ они! Вотъ они!—Куда они?..—Къ краснымъ дверямъ повернули.—Нѣтъ, нѣтъ, я вижу факелы въ аллеѣ.—Вотъ большая карета между деревьями!—Онъ боится!—Эта ему не дастся. Онъ сумасшедшій! У—у! У—у!—Довольно! Довольно! Это будетъ шестая! Смерть ему! Смерть ему!—Надо поджечь!—Я захватилъ съ собою большія вилы!—Я принесъ косу!—Они въѣзжаютъ во дворъ.—Пойдемъ, посмотримъ!—Берегитесь!—Двери заперты.—Подождемъ ихъ здѣсь!—Говорятъ, она все знаетъ.—Что она знаетъ?—То же, что и я.—Но что же? Что ты знаешь?—Что онѣ не всѣ умерли.—Не умерли?.. Ну, болтай еще!..—Я ихъ хоронилъ.—Одинъ разъ вечеромъ, проходя мимо, я слышалъ пѣніе.—И я!—И я!—Говорятъ, онѣ выходятъ изъ могилъ!—Онъ приноситъ несчастье!—Смотрите, смотрите! Окна закрываются!.. Сейчасъ они войдутъ!—Ничего не видно!—Смерть ему! Смерть! Смерть!

Въ эту минуту, дѣйствительно, шесть монументальныхъ оконъ надъ мраморными нишами закрываются сами собой, постепенно заглушая голосъ толпы. Теперь слышенъ только неясный ропотъ, почти похожій на тишину. Изъ боковой двери входятъ Аріана и Кормилица.

Кормилица. Гдѣ мы?—Слышите,—какъ будто голова!..—Это крестьяне!..—Имъ хотѣлось бы спасти насъ.— Они толпились по дорогамъ, не смѣли говорить, но показывали знаками, чтобы мы вернулись.—Подходить къ большимъ дверямъ въ глубинѣ сцены. — Они за этой дверью... — Вонъ они ходятъ.—Попробуемъ отворить... Онъ оставилъ насъ однѣхъ... Можетъ быть, намъ удастся бѣжать... Говорила я вамъ, онъ помѣшанный, это смерть... Говорятъ, онъ убилъ пять женъ,—это правда...

Ариана. Онѣ не умерли. Объ этомъ говорили тамъ, какъ о странной тайнѣ,—тамъ, въ далекой сторонѣ, куда пришла за мной его дикая и въ то же время робкая любовь.—Тамъ я подозрѣвала это, здѣсь я въ этомъ увѣрена... Онъ меня любитъ, я прекрасна, и я узнаю его тайну.—Прежде всего не надо повиноваться!.. Это прежде всего, когда приказаніе звучитъ угрозой и ничѣмъ не объясняется.—Остальныя сдѣлали ошибку, и если онѣ погибли, такъ это потому, что колебались. Мы въ той галлерей, что ведетъ въ залу, гдѣ ожидаетъ меня его любовь.—Онъ далъ мнѣ эти ключи отъ сокровищницъ, гдѣ берегутся брачныя наряды. Шесть серебряныхъ ключей—разрѣшенные. золотой—запретный. Это единственный нужный. Я бросаю шесть остальныхъ и оставляю себѣ седьмой!

Бросаетъ серебряные ключи, которые со звономъ разсыпаются по мраморнымъ плитамъ.

Кормилица, бросаясь подбирать ихъ. Что вы дѣласте?—Онъ подарилъ вамъ всѣ сокровища, запертые ими.

Ариана. Отпирай сама, если хочешь.—Я буду искать запретную дверь. — Отворяй остальныя, если хочешь.. Все что позволено, не скажетъ намъ ничего!

Кормилица, оглядывая залу и смотря на ключи. Вотъ двери въ мраморѣ.. У нихъ серебряные замки, чтобы показать намъ, что ключи отъ нихъ. Которую отпереть сначала?

Ариана. Не все ли равно?.. — Онѣ всѣ только затѣмъ и устроены, чтобы отвлечь насъ отъ того, что нужно узнать. Ищу седьмую и не нахожу...

Кормилица, пробуя ключи на первой двери. Которымъ ключемъ отпирается первая? — Этимъ? — Нѣтъ. — Вотъ этимъ? — Опять нѣтъ. — О, третій подходитъ и тащить за собою мою руку! — Берегитесь! — Бѣгите! — Половинки двери оживаютъ и скользятъ, какъ паруса. — Что это? — Берегитесь, — огненный градъ бьетъ меня по рукамъ и равить лицо. — О!..

Кормилица отскакиваетъ. Пока она еще говорить, обѣ половинки двери скользятъ въ боковые пазы и исчезаютъ, внезапно открывая гигантскую груду аметистовъ, наваленныхъ до самаго верха отверстія. Какъ бы освобожденные отъ вѣкового плѣна, драгоценныя украшенія всевозможныхъ формъ, но изъ одного и того же матерьяла, ожерелья, браслеты, кольца, пряжки, пояса и діадемы лиловымъ пламенемъ обрушиваются въ залу, отскакивая до самой ея середины. По мѣрѣ того какъ они засыпаютъ мраморный полъ, изъ всѣхъ впадин гулкого свода льются дождемъ другія такія же, все обильнѣе, все роскошнѣе, въ немолчномъ шестѣ живыхъ драгоценныхъ каменевъ.

Кормилица, ослѣпленная, обезумѣвшая, загребая ихъ

объими руками. — Берите! — Наклонитесь! Собирайте самыя лучшія! — Ихъ хватить на украшеніе цѣлаго государства! — И все падаютъ, падаютъ... Еще и еще! — Они бьютъ меня по рукамъ, попадаютъ въ волосы! — Вотъ совсѣмъ небывалые летятъ со сводовъ, какъ лучезарныя райскія фіалки! Пурпурныя, лиловыя, блѣдно-желтыя! Опустите въ нихъ руки, покройте ими голову, я наберу ихъ въ свой плащъ...

Ариана. Это благородные аметисты... Отвори вторую дверь!

Кормилица. Вторую?.. Не смѣю... И все таки мнѣ хочется посмотрѣть... Вкладываетъ ключъ въ замочную скважину. Берегитесь! — Ключъ уже повертывается! — У дверей крылья, стѣны разрываются! О!..

Происходитъ то же, что и съ первой дверью, но на этотъ разъ низвергается, подпрыгивая по полу въ звонкомъ, ослѣпительномъ блескѣ, синій дождь сапфировъ.

Ариана. Это прекрасные сапфиры! Отвори третью дверь!

Кормилица. Подождите, дайте мнѣ посмотрѣть, дайте выбрать прекраснѣйшіе! Мой плащъ рвется подъ тяжестью синяго неба! Смотрите, это наводненіе, они струятся отовсюду! Направо лиловая рѣка, на лѣво—лазурные водопады!

Ариана. Спѣши, кормилица, скорѣе! Случай ко грѣху рѣдки и мимолетны.

Кормилица открываетъ третью дверь. Повтореніе прежняго, но тутъ—блѣдныя горы, млечно-бѣлые потоки, струи болѣе мелкія,

но болѣ частыя цѣлаго потока жемчужовъ. Возьму горсть этихъ жемчужинъ, пусть ласкають сапфиры...

Ариана. Отвори четвертую!

Кормилица отворяетъ четвертую дверь. Повтореніе прежняго. Наводненіе изумрудовъ. О, эти зеленѣе весны, что рождается подь тощами моей деревни, въ росинкахъ чуднаго солнца! Встряхиваетъ плащъ, изъ котораго льются аметисты, сапфиры и жемчугъ. Ступайте съ Богомъ, уступите меня прекраснѣйшимъ! Я родилась подь деревьями въ свѣтѣ листьвы!

Ариана. Отвори пятую дверь!

Кормилица. Какъ, даже не хотите и этихъ? Вы ихъ не любите?

Ариана. То, что я люблю, прекраснѣе самыхъ прекрасныхъ каменьевъ.

Кормилица отворяетъ пятую дверь. Ослѣпительный взрывъ, живой пожаръ, трагическій водопадъ рубиновъ. Эти ужасны... Я не коснусь ихъ!

Ариана. Мы приближаемся къ цѣли, ибо вотъ и угроза! Отвори послѣднюю дверь!

Кормилица. Послѣдній ключъ. Если въ разрѣшенную дверь уже льется струями кровь, какой же ужасъ стережетъ насъ на порогѣ запретной?!

Ариана. Отворяй скорѣе!

Кормилица нерѣшительно отпираетъ послѣднюю дверь. Повтореніе прежняго. Но на этотъ разъ ослѣпительный блескъ невыносимъ. Потoki огромныхъ и чистыхъ брильянтовъ брызжутъ въ залу, миллионы искръ, лучей, перекрестныхъ огней и радугъ сталкиваются другъ съ другомъ, тухнуть, заго-

раются вновь, мечутся, дробятся, расползаются въ стороны, пылають все ярче и ярче. Аріана вскрикиваетъ, пораженная и ослѣпленная. Она наклоняется, поднимаетъ діадему, ожерелья, пригоршни лучезарнаго блеска,—и какъ попало накидываетъ ихъ на голову, шею и руки.

А Р І А Н А, поднимая кверху и заставляя блестѣть передъ глазами озаряющіе ее алмазы. О мои ясные алмазы! Я не искала васъ, но вы попались мнѣ на дорогѣ,—привѣтъ вамъ! Безсмертная роса свѣта! Струитесь по моимъ пальцамъ, озаряйте мои руки, ослѣпляйте плоть мою! Вы чисты, неустанны, вы никогда не умрете, и то, что трепещетъ въ вашихъ огняхъ, какъ сонмъ духовъ, сѣющихъ звѣзды—это страсть къ свѣту, всюду проникающая, не вѣдающая покоя, не побѣдимая ничѣмъ кромѣ самой себя! Подходить къ двери и заглядываетъ подъ своды. Падайте, падайте больше, дѣти солнца, подвиги свѣта, неисчислимое сознаніе пламени! Вы уязвите глаза мои, но не утомите моего взора! Наклоняется еще больше.—Но что я вижу, кормилица? Кормилица, гдѣ ты? Пелена великолѣпнаго дождя прорывается и, неподвижная, виситъ въ воздухѣ надъ аркой, которую освѣщаетъ!—Вотъ седьмая дверь, съ золотыми петлями, перекладинами и замкомъ.

К О Р М И Л И Ц А. Послушайте, не касайтесь ея. Удержите руки и глаза, чтобы она не отворилась! Уйдемте, спрячемтесь... Послѣ алмазовъ—или пламя, или смерть...

Ариана. Да, ступай, кормилица. Спрячься за эти мраморныя колонны! Я хочу идти туда одна!

Входитъ подъ своды и вставляетъ ключъ въ замочную скважину; дверь раздвигается; въ нее видно только полное мрака отверстіе, но изъ нѣдръ земли поднимается далекое и глухое пѣніе, которое звучитъ по всей залѣ.

Кормилица. Ариана, что вы дѣлаете? Это вы поете?

Ариана. Слушай.

Глухое пѣніе. Пять дочерей Орламонда,

(Черная фея въ могилѣ)

Пять дочерей Орламонда

Въ сумракѣ двери искали.

Кормилица. Это тѣ, другія жены...

Ариана. Да.

Кормилица. Заприте дверь! Пѣніе наполняетъ всю залу, оно разносится всюду.

Ариана, пытаюсь затворить дверь. Не могу!

Пѣніе громче.

Свѣточи дѣвы зажгли,

Башни свои отворили,

Отперли тысячу залъ,

Свѣта нигдѣ имъ не видно.

Кормилица. Все слышите, все громче!—Затворимъ первую дверь.—Помогите мнѣ... Онѣ пробуютъ затворить дверь, за которой были спрятаны алмазы.—Она тоже не подается!

ПѢНІЕ СИЛЬНѢ.

Въ гулкѣй колодезь онѣ
Сходятъ во мракѣ глубокомъ.
Тамъ на двери запертой
Ключъ золотой онѣ видятъ.

КОРМИЛИЦА вѣвъ себя, также входя подъ своды. Молчите! Молчите!—Онѣ погубятъ насъ! Заглушимъ этотъ голосъ!—Растягивая свой плащъ. Мой плащъ закроетъ отверстіе!

АРИАНА. Я вижу ступени за порогомъ. Сойду туда, куда зовутъ меня...

ПѢНІЕ ВСЕ ГРОМЧЕ И ГРОМЧЕ.

Видятъ сквозь щель океанъ,
Смерть ихъ пугаетъ,
Въ дверь запертую стучать,—
Двери открыты не держатъ.

При послѣднихъ словахъ пѣсни Синяя-Борода входитъ въ залу. Онъ останавливается на минуту и смотритъ.

Синяя-Борода, подходит. И ты тоже..

АРИАНА оборачивается, выходитъ изъ-подъ свода и, сверкая алмазами, приближается къ Синей-Бородѣ. Я—больше всѣхъ!

Синяя-Борода. Я считалъ тебя разумнѣе и сильнѣе твоихъ сестеръ...

АРИАНА. Сколько времени выносили онѣ запретъ?

Синяя-Борода. Иныя нѣсколько дней, иныя нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣдняя—годъ...

АРИАНА. Только послѣднюю слѣдовало наказать...

Синяя-Борода. То, о чемъ я просилъ ихъ, была такая малость...

Аріана. Ты просилъ у нихъ больше, чѣмъ далъ имъ.
Синяя-Борода. Ты теряешь то счастье, котораго я
желалъ тебѣ...

Аріана. Счастье, котораго я хочу, не можетъ жить
во мракѣ...

Синяя-Борода. Не пытайся узнать, и я могу еще
простить...

Аріана. Я смогу простить, когда все узнаю.

Синяя-Борода, хватая Аріану за руку. Иди!

Аріана. Куда ты хочешь, чтобы я шла?

Синяя-Борода. Куда я поведу тебя.

Аріана. Нѣтъ.

Синяя-Борода пробуетъ силой увлечь Аріану, которая испускаетъ долгій, мучительный крикъ. На этотъ крикъ отвѣчаетъ сначала какой-то глухой ропотъ. Съ минуту продолжается борьба Синея-Бороды съ Аріаной при отчаянныхъ вопляхъ кормилицы. Потомъ одно изъ оконъ вдругъ разбиваетъ пущенный снаружи камень. Слышенъ шумъ и волненіе толпы. Въ залу летятъ еще камни. Кормилица бѣжитъ къ большой двери въ глубинѣ залы, отпираетъ задвижки и поднимаетъ засовы. Дверь сотрясается и пріотворяется внезапнымъ толчкомъ снаружи. За порогомъ тѣснится разъяренная, но нерѣшительная толпа крестьянъ. Синяя-Борода, выпустивъ Аріану, вынимаетъ мечъ, готовясь къ бою. Но Аріана спокойно идетъ навстрѣчу толпѣ.

Аріана. Что вамъ нужно?—Онъ не сдѣлалъ мнѣ никакого зла.

Тихо отстраняетъ крестьянъ и запираетъ дверь. Синяя-Борода между тѣмъ, опустивъ глаза, пристально смотритъ на конецъ своего меча.

ВТОРОЕ ДѢЙСТВІЕ.

При поднятіи завѣса на сценѣ, которая потомъ освѣтится и обнаружитъ огромную подземную залу со сводами, поддерживаемыми множествомъ колоннъ, — почти совершенно темно. Сбоку направо узкій сводчатый коридоръ примыкаетъ къ залѣ, въ которую ведетъ изъ него на первомъ планѣ нѣчто вроде бокового отверстія или арки неправильной формы. Въ глубинѣ коридора, какъ бы спускаясь съ послѣднихъ ступеней лѣстницы, Аріана и Кормилица. Аріана несетъ лампу.

Кормилица. Слышите! Дверь захлопывается съ ужаснымъ грохотомъ, стѣны дрожать... Я не смѣю идти дальше... Я остаюсь здѣсь... Мы никогда больше не увидимъ дневного свѣта...

Аріана. Впередъ, впередъ! Не бойся ничего, онъ раненъ, онъ побѣжденъ, но онъ еще не знаетъ этого. Онъ освободитъ насъ со слезами, но лучше освободиться самимъ. А теперь пока его гнѣвъ даетъ мнѣ то, въ чемъ отказывала его любовь. Мы узнаемъ, что скрыто здѣсь...

Она идетъ впередъ, высоко поднимая лампу и, дойдя до боковой арки коридора, наклоняется, зорко вглядываясь въ темноту подземелія. Взоръ ея останавливается какой-то неопредѣленный предметъ. Она оборачивается и зоветъ кормилицу.

Подойди сюда! Что тамъ въ глубинѣ пещеры?—Видишь?— Не шевелится. — Мнѣ кажется онѣ здѣсь, но онѣ уже умерли...

Гдѣ вы?

Входитъ въ залу, въ которой лампа освѣщаетъ постепенно сводъ и а сводомъ.

Молчаніе.

Кто вы?

Ей отвѣчаетъ робкій и почти неуловимый шорохъ. Она дѣлаетъ еще шагъ; лучи лампы проникаютъ глубже впередъ, и въ тѣни самыхъ дальнихъ сводовъ видно пять скученныхъ вмѣстѣ, неподвижныхъ женскихъ фигуръ.

Ариана глухо. Вотъ онѣ! Кормилица, кормилица, гдѣ ты? Подбѣгаетъ кормилица. Ариана передаетъ ей лампу и дѣлаетъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ къ группѣ женщинъ.

Сестры мои... Женщины вздрагиваютъ. Онѣ живы!—Это я!— Бѣжитъ къ нимъ, раскрывъ объятія, обвиваетъ ихъ трепещущими руками, цѣлуетъ, ласкаетъ, обнимаетъ ошупью, въ какомъ-то умиленномъ и судорожномъ опьяненіи. Кормилица съ лампой въ рукахъ стоитъ поодаль.

—Ахъ, я нашла васъ!—Онѣ полны жизни и преисполнены красотой!—Я думала, что увижу трупы, и вотъ со

слезами цѣлую чудныя уста... Вы не страдали?... О, ваши уста такъ свѣжи, и щеки у васъ, какъ у дѣтей... Вотъ ваши голыя руки, гибкія и теплыя, и ваши округлыя груди, живыя подъ своими покровами!.. Но почему вы дрожите?—Я цѣлую плечи и обнимаю ноги, я не знаю, чего касаюсь, я цѣлую вокругъ себя голыя шеи и нѣжные рты... И эти волосы, что затопляютъ васъ!.. Вы, должно быть, прекрасны!.. Мои руки погружаются въ теплыя волны, и пальцы запутываются въ мятежныхъ кудряхъ... Сколько у васъ косъ... Какіе они, ваши волосы?... Черные или бѣлокурые?... Какъ ихъ много!.. Не вижу, что дѣлаю... Цѣлую всѣхъ и ловлю вокругъ чьи-то руки!.. О, теперь мнѣ попала самая послѣдняя -- самая маленькая!.. Не бойся, не бойся, я держу тебя въ объятіяхъ... Кормилица, кормилица, что ты тамъ дѣлаешь? Я здѣсь, какъ мать, которая ощупью ищетъ дѣтей, и дѣти мои ждуть свѣта!..

Подходить кормилица съ лампой, и группа освѣщается: плѣнницы, въ лохмотьяхъ, съ растрепанными волосами, исхудалыми лицами и испуганными ослѣпшими отъ свѣта глазами. Аріана сначала изумлена, потомъ сама беретъ лампу, чтобы лучше ихъ освѣтить и рассмотреть поближе.

Аріана. О, такъ вы страдали!.. Оглядывается вокругъ. И какъ она уныла, ваша тюрьма!.. Мнѣ на руки падаютъ крупныя холодныя капли, и пламя лампы вздрагиваетъ поминутно... Какими странными глазами вы на меня смотрите... Почему вы отступаете, когда я подхожу?... Вы все еще боитесь?... Кто это хочетъ бѣжать?... Вѣдь это меньшую

я сейчас цѣловала?.. Неужели я сдѣлала вамъ больно своимъ долгимъ сестринскимъ поцѣлуемъ?.. Идите же, идите сюда, развѣ вы боитесь свѣта?.. Какъ имя той, что возвращается?

Два или три робкихъ голоса. Селизета.

Ариана. Ты улыбаешься, Селизета?.. Это первая улыбка, которую я здѣсь вижу.—О, въ твоихъ большихъ глазахъ робость, какъ будто они видятъ смерть, но вѣдь это жизнь... И твои маленькія голыя руки дрожатъ такъ грустно въ ожиданіи любви! Иди же, иди сюда, мои руки ждуть ея также, но онѣ не дрожатъ! Обнимаетъ ее. Сколько дней провела ты въ этой могилѣ?..

Селизета. Мы плохо считаемъ дни.— Часто ошибаемся.—Но, кажется, я здѣсь больше года...

Ариана. Которая изъ васъ вошла сюда первая?

Игрэна. Выходить впередъ, она блѣднѣе всѣхъ остальныхъ. Я.

Ариана. Вы очень давно не видали свѣта?

Игрэна. Я не открывала глазъ, пока плакала тутъ одна.

Селизета, пристально глядя на Ариану. О, какъ ты прекрасна! И какъ онъ могъ наказать тебя такъ же, какъ насъ?— Ты значить тоже ослушалась?

Ариана. Я повиновалась скорѣе, но другимъ, не его законамъ.

Селизета. Зачѣмъ ты сошла сюда?

Ариана. Чтобы освободить васъ.

Селизета. О да, освободи насъ!.. Но какъ ты это сдѣлаешь?

Ариана. Вамъ нужно будетъ только идти за мной.— Что вы здѣсь дѣлали?

Селизета. Молились, пѣли, илакали и потомъ еще ждали, все ждали...

Ариана. И вы не пробовали бѣжать?

Селизета. Бѣжать намъ было бы невозможно, все крѣпко заперто, и, кромѣ того, вѣдь это запрещено.

Ариана. Это мы еще увидимъ... Ну, а вонъ та, что смотреть на меня сквозь волосы, будто окружающіе ее неподвижнымъ пламенемъ, какъ ее зовутъ?

Селизета. Мелизанда.

Ариана. Иди и ты, Мелизанда. А та, что такъ жадно слѣдить своими большими глазами за свѣтомъ моей лампы?

Селизета. Беланжера.

Ариана. А вонъ та, что прячется за толстой колонной?

Селизета. Она издалека... Это бѣдная Алладина.

Ариана. Почему ты говоришь „бѣдная“?

Селизета. Она сошла послѣдняя и не говорить на нашемъ языкѣ.

Ариана протягиваетъ объятья Алладинѣ. Алладина!— Алладина подбѣгаетъ къ ней и съ глухимъ рыданіемъ бросается ей на грудь. Ты видишь, что когда я обнимаю ее, вотъ какъ теперь,—я говорю на ея языкѣ...

Селизета. Она до сихъ поръ не переставала плакать...

Ариана, съ удивленіемъ глядя на Селизету и остальныхъ женщинъ. Но ты-то сама, ты все еще не стала смѣяться?—И другія молчатъ.—Что же это?—Неужели вы такъ и будете жить въ страхѣ?—Вы едва улыбаетесь, недовѣрчивымъ взоромъ слѣдя за всѣми моими движеніями.—Вы не хотите вѣрить доброй вѣсти?—Вамъ не жаль солнечнаго свѣта,

птицъ на деревьяхъ, большихъ зеленыхъ садовъ, что цвѣтутъ тамъ наверху? Вы не знаете, значить, что теперь весна?—Вчера утромъ я ходила по дорогамъ, упивалась лучами, пила просторъ и зарю... Подъ ногами у меня при каждомъ шагѣ расцвѣтало столько цвѣтовъ, что я уже не знала, куда мнѣ ступать этими слѣпыми моими ногами... Неужели вы забыли солнце, росу на листьяхъ, улыбку моря?—Сейчасъ оно смѣялось, какъ смѣется въ тѣ дни, когда чувствуетъ себя счастливымъ, и его тысячи зыбей пѣли, одобряя меня, у лучезарныхъ береговъ...

Въ эту минуту одна изъ капель, которая падали непрерывно съ высоты сводовъ, попадаетъ на огонь лампы, которую Аріана, обернувшись къ двери, держитъ въ протянутой рукѣ. Пламя вспыхиваетъ въ послѣдній разъ и гаснетъ внезапно. Кормилица испускаетъ крикъ ужаса, Аріана останавливается въ смущеніи.

АРИАНА въ темнотѣ. Гдѣ вы?

СЕЛИЗЕТА. Здѣсь, возьми меня за руку, не отходи,— съ этой стороны очень глубокая стоячая вода.

АРИАНА. Вы еще видите что-нибудь?

СЕЛИЗЕТА. Да, мы давно живемъ въ темнотѣ.

БЕЛАНЖЕРА. Идите сюда, здѣсь свѣтлѣе...

СЕЛИЗЕТА. Да, поведемъ ее къ свѣту...

АРИАНА. Значить и въ самомъ глубокомъ мракѣ есть какой-нибудь свѣтъ?

СЕЛИЗЕТА. Да, есть!.. Развѣ ты не видишь большое блѣдное сіяніе, освѣщающее всю глубину послѣдняго свода?

Ариана. Я действительно вижу блѣдный свѣтъ, который расплывается все шире...

Селизета. Да нѣтъ, это раскрываются шире твои глаза, твои прекрасные удивленные глаза...

Ариана. Откуда онъ?

Селизета. Не знаемъ.

Ариана. Но вѣдь нужно узнать! Идетъ въ глубину под-земелья и въ темнотѣ ощупываетъ руками стѣну. Здѣсь—стѣна... И здѣсь тоже... Но выше, это уже не камни!.. Помогите мнѣ влѣзть на этотъ обломокъ скалы. Влѣзаетъ, женщины поддерживаютъ ее. Сводъ стрѣльчатый... Продолжаетъ ощупывать стѣну. Новѣдъ это задвижки!.. Вотъ я нащупываю желѣзные перекладки и огромные засовы.—Пробовали ли вы отпирать ихъ?..

Селизета... Нѣтъ, нѣтъ, не трогай ихъ, говорятъ за этими стѣнами—море!.. Громадныя волны войдутъ сюда!

Мелизанда. Это сквозь море свѣтъ такой зеленый.

Игрэна. Берегись, мы слышали его много разъ!

Мелизанда. О, я вижу воду, нависшую надъ нашими головами!..

Ариана. Нѣтъ, нѣтъ, это свѣтъ ищетъ васъ!

Беланжебра. Она пробуетъ отворить!..

Испуганныя женщины отступаютъ и прячутся за колонну, откуда слѣдятъ широко-открытыми глазами за каждымъ движеніемъ Арианы.

Ариана. Мои бѣдныя, бѣдныя сестры! Почему же хотите вы освобожденія, если вы любите вашъ мракъ, и о чемъ вамъ плакать, если вы счастливы?.. О, засовы поднимаются, дверцы сейчасъ откроются. Подождите!

Тяжелые створы какъ бы огромныхъ внутреннихъ ставней дѣйствительно раздѣляются на-двое при ея послѣднихъ словахъ, но въ закругленное отверстие свода проникаетъ лишь слабый, очень тусклый, разсѣянный свѣтъ.

Ариана. Ахъ, это еще не настоящій свѣтъ!.. Что же тутъ, подъ моими руками?.. Стекло это или мраморъ?.. Будто стекло, окрашенное мракомъ... Я сломала ногти... Гдѣ онѣ, ваши пряжки?.. Селизета, Мелизанда, пряжку, камень!.. Хотя одинъ изъ камней, которыхъ милліоны тамъ на землѣ! Селизета прибѣгаетъ съ камнемъ и подаетъ его. Вотъ ключъ вашего разсвѣта!..

Она крѣпко ударяетъ камнемъ въ окно; одно изъ стеколъ разбивается, и во мракѣ загорается ослѣпительная, большая звѣзда. Женщины издають почти лучезарный крикъ ужаса. Ариана вѣетъ себя, вся затопленная все болѣе и болѣе невыносимымъ свѣтомъ, въ торжествующемъ изступленіи поснѣжными сильными ударами разбиваетъ остальные стекла.

Ариана. Вотъ и это, и это еще!.. Большое, маленькое, и потомъ вотъ послѣднее!.. Рушится все окно, и пламя гонитъ прочь мои руки и волосы!.. Ничего ужъ не вижу, не могу открыть глазъ!.. Не подходите пока, лучи точно пьяные!.. Не могу разогнуться... Вижу закрытыми глазами, какъ сверкающія стрѣлы драгоцѣнныхъ камней въ бьютъ по моимъ вѣкамъ!.. Не знаю, что борется со мною... Небо или море? Вѣтеръ или свѣтъ? Волосы мои—струящаяся молнія!.. Я осыпана чудесами!.. Не вижу ничего и слышу все...

Милліоны лучей надрывають миѣ уши, не знаю, куда спрятать глаза, руки мои больше не бросаютъ тѣни, вѣки мои ослѣпляютъ меня, а пальцы, закрывающіе ихъ, закрываютъ ихъ свѣтомъ!.. Гдѣ вы? Идите всѣ, я не могу больше сойти къ вамъ!.. Не знаю, куда ступать въ огненныхъ волнахъ, которыя поднимаютъ мою одежду,—я упаду въ вашу мракъ!..

На эти крики Селизета и Мелизанда выходятъ изъ темноты, гдѣ прятались, и, закрывъ глаза руками, какъ будто проходя черезъ огонь, подбѣгаютъ къ окну и ошупью, слѣпя въ свѣтъ, взбираются на камень къ Аріанѣ. Остальныя женщины слѣдуютъ за ними, и всѣ тѣсятся кучей въ сверкающемъ потокѣ лучей, которые заставляютъ ихъ наклонять головы. Съ минуту длится ослѣдненное молчаніе, во время котораго слышенъ ропотъ моря, ласковый шелестъ вѣтра въ деревьяхъ, пѣніе птицъ и колокольчики проходящаго вдали стада.

Селизета. Я вижу море!

Мелизанда. А я вижу небо!... Закрывая локтемъ глаза. О нѣтъ! Нельзя!..

Аріана. Мои глаза, закрытые руками, успокаиваются... Гдѣ мы?

Беланжера. Я хочу смотрѣть только на деревья... Гдѣ они?

Игрэна. О какъ зелены поля!..

Аріана. Мы на склонѣ утеса.

Мелизанда. Вонъ тамъ деревня. Вы видите деревню?

Беланжера. Туда нельзя сойти, мы окружены водой.
а мосты подняты...

Селизета. Гдѣ же люди?

Мелизанда. Вонъ, вонъ тамъ!.. Крестьянинъ...

Селизета. Онъ увидѣлъ насъ, онъ на насъ смотритъ...
Я сдѣлаю ему знакъ... Машетъ своими длинными волосами. Онъ
видитъ мои волосы, снимаетъ шляпу... онъ перекрестился...

Мелизанда. Колоколъ! Колоколъ!.. Считасть удары.
Семь, восемь, девять...

Селизета. Десять, одиннадцать, двѣнадцать...

Мелизанда. Полдень.

Игрена. Кто это такъ поетъ?

Мелизанда. Да птицы это... Видишь ихъ? Ихъ тамъ
цѣлыя тысячи въ высокихъ тополяхъ по берегу рѣки...

Селизета. О, ты блѣдна, Мелизанда!

Мелизанда. И ты блѣдна... не смотри на меня...

Селизета. Твоя одежда въ лохмотьяхъ, ты видна
сквозь нее!

Мелизанда. И ты тоже... твоя голая грудь раздвигаетъ
твои волосы... Не смотри на меня...

Беланжера. Какіе длинные у насъ волосы!

Игрена. Какія блѣдныя у насъ лица!

Беланжера. И прозрачныя руки...

Мелизанда. Алладина рыдаетъ.

Селизета. Я цѣлую, цѣлую ее...

Ариана. Да, цѣлуйте другъ друга,—не смотрите пока
другъ на друга... Главное, не дожидайтесь того, чтобы свѣтъ
сталъ печалить васъ... Пользуйтесь опьяненіемъ, чтобы
выйти изъ могилы... Съ утеса идутъ внизъ каменныя

слупени... Не знаю, куда онѣ ведутъ, но онѣ свѣтлыя и вѣтеръ съ моря обдуваетъ ихъ. Ступайте всѣ, идите, милліоны лучей пляшутъ въ извилинахъ волнъ!

Она выходитъ въ отверстіе и исчезаетъ въ свѣтъ.

Селизета идетъ за ней и увлечаетъ за собой остальныхъ женщинъ. Да, да, идите, идите, мои бѣдныя, счастливыя сестры! Будемте, будемъ плясать и мы танецъ свѣта...

Всѣ взбираются по камню и исчезаютъ въ лучахъ съ пѣніемъ и пляской.

Пять дочерей Орламонда,

(Черная фея въ могилѣ)

Пять дочерей Орламонда

Въ сумракѣ дверь отворили...

Занавѣсь.

ТРЕТІЕ ДѢЙСТВІЕ.

Зала перваго акта. Въ мраморныхъ нишахъ и на полу еще искрятся драгоценныя каменья. Между порфировыми колоннами открыты сундуки, переполненные черезъ край великолѣпными одеждами. На дворѣ ночь; подъ зажженными люстрами Селизета, Мелизанда, Игрэна, Беланжера и Алладина, стоя передъ высокими зеркалами, оканчиваютъ прически, оправляютъ складки сверкающихъ одежды, надѣваютъ пвѣты и золотыя украшенія. Аріана, подходя то къ той, то къ другой, помогаетъ имъ и даетъ совѣты. Окна отворены.

Селизета. Мы не могли выйти изъ заколдованнаго замка. Онъ такъ прекрасенъ, что я стала бы плакать о

немъ... Что скажешь, Аріана?.. Это странно. Мосты поднялись сами собой, и вода прибывала во рвахъ, какъ только мы къ нимъ подходили... Но что за дѣло теперь, разъ мы его больше не видимъ... Онъ уѣхалъ... Цѣлуетъ Аріану. И мы будемъ счастливы, пока ты съ нами...

Мелизанда. Куда онъ уѣхалъ?

Аріана. Я знаю объ этомъ не болѣе, чѣмъ вы. Онъ уѣхалъ, можетъ быть, въ тревогѣ, навѣрное въ смущеніи,— первый разъ въ жизни. Или его безпокоилъ гнѣвъ крестьянъ?.. Онъ почувствовалъ безпредѣльную ненависть, хлынувшую на него со всѣхъ сторонъ, и кто знаетъ, можетъ быть, ушелъ за помощью, за солдатами и стражей, чтобы наказать мятежниковъ и вернуться властелиномъ... Или въ немъ заговорила совѣсть—и иная сила...

Селизета. Ты не уйдешь?

Аріана. Какъ же мнѣ уйти, когда рвы полны водой, мосты подняты, стѣны неприступны и двери заперты?.. Не видно никого, кто сторожилъ бы ихъ, но замокъ не покинуть. Кто-то слѣдитъ за каждымъ нашимъ шагомъ... Онъ вѣрно отдалъ тайныя приказанія. Всюду вокругъ стѣнъ сидятъ въ засадѣ крестьяне, и я чувствую, что они наблюдаютъ за нами. А между тѣмъ, сестры, великое событіе приближается, и вы должны быть прекрасны. Подходить къ Мелизандѣ. Такъ-то ты къ нему готовишься, Мелизанда? Твои волосы—величайшее изъ чудесъ, какія я когда-либо видѣла... Они свѣтили даже тамъ, въ подземельѣ, и улыбались бы въ темнотѣ могилы, а ты стараешься затушить ихъ огни!.. погоди, я опять выпущу на волю свѣтъ.

Срываетъ вуаль, расплетаетъ косы; внезапно рассыпавшіеся волосы Мелизанды затопляютъ блескомъ ея плечи.

СЕЛИЗЕТА, оборачиваясь, чтобы взглянуть на Мелизанду.
О, откуда это?

АРИАНА. Это отъ нея и крылось въ ней. Но сама-то ты, что ты надѣлала? Куда ты дѣвала свои божественныя руки?

СЕЛИЗЕТА. Да вотъ онѣ, въ златотканныхъ рукавахъ...

АРИАНА. Я ихъ не вижу больше... Сейчасъ я любовалась ими, пока ты убирала себѣ голову... Онѣ воздѣлались, какъ бы призывая любовь, и мой умиленный взоръ ласкалъ всѣ ихъ движенія... Теперь обернулась и вижу только одну лишь тѣнь ихъ. Развязывая рукава. И вотъ я выпускаю на волю еще два луча радости!

СЕЛИЗЕТА. О мои блѣдныя голыя руки! Онѣ будутъ дрожать отъ холода.

АРИАНА. Да нѣтъ же, разъ онѣ прекрасны... Подходить къ Беланжерѣ. Гдѣ ты, Беланжеръ?.. Въ глубинѣ этого зеркала были сейчасъ плечи, грудь, которыя все его наполняли сладостнымъ свѣтомъ... Надо все это освободить... А драгоценныя каменя, что блестятъ у вашихъ ногъ, на то ли они созданы, чтобы гаснуть на мраморныхъ плитахъ, или на то, чтобы разгораться въ теплотѣ груди, рукъ и волосъ? Она собираетъ пригоршнями драгоценныя каменя и осыпаетъ ими подругъ. Право же я не удивляюсь больше, юныя сестры, что онѣ недостаточно любилъ васъ, и желалъ сто жень... У него не было ихъ ни одной... Снимая мантию, которую Беланжера накинула на плечи. Вотъ два источника красоты, пропадавшихъ во мракѣ... Главное не бойтесь, намъ не грозитъ никакой опасности, если мы будемъ прекрасны...

Въ боковую дверь входитъ Кормилица, блѣдная и растрепанная.

Кормилица. Онъ возвращается! Онъ тамъ.

Женщины дѣлають движеніе ужаса.

Аріана. Кто тебѣ сказалъ?

Кормилица. Одинъ изъ стражниковъ. Онъ видѣлъ васъ... Онъ очарованъ вами...

Аріана. Но я никого не видала.

Кормилица. Они прятались. Они слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Проговорился младшій... Онъ сказалъ мнѣ, что господинъ возвращается. . Что онъ обошелъ кругомъ стѣнъ... Крестьяне знаютъ это... Они вооружены... Они бунтуютъ... Вся деревня прячется по заборахъ... Они ждутъ его... Подходить по боковой лѣстницѣ къ одному изъ оконъ въ глубинѣ сцены. Я вижу факелы въ лѣсу.

Обезумѣвшія женщины вскрикивають въ ужасѣ и бѣгутъ вокругъ залы, ища выхода.

Селизета, поднимаясь по лѣстницѣ къ окну. Это его карета! Его свадебная карета! Она остановилась!...

Всѣ бросаются къ окнамъ, тѣснятся на внутреннемъ балконѣ, смотрять въ темноту.

Мелизанда. Это онъ!.. Я узнаю его!.. Онъ выходитъ изъ кареты! Въ движеніяхъ его гнѣвъ...

Селизета. Онъ окруженъ своимъ неграми...

Мелизанда. У нихъ обнаженные мечи, они сверкають при свѣтѣ мѣсяца!

Селизета, прячась въ объятіяхъ Аріаны. Аріана!.. Аріана!.. Мнѣ страшно!..

Кормилица. Вотъ крестьяне выходятъ изъ рвовъ!..
Сколько ихъ!.. Сколько ихъ!.. У нихъ вилы и косы!..

Селизета. Они будутъ драться!..

Шумъ, крики, гвалтъ, звонъ оружія
вдали за окнами.

Мелизанда. Они дерутся!

Игрэна. Одинъ изъ негровъ падаетъ...

Кормилица. О, эти крестьяне ужасны!.. Тутъ вся
деревня!.. У нихъ огромныя косы!..

Мелизанда. Негры бросаютъ его!.. Смотрите, смотрите, они бѣгутъ!.. Они прячутся въ дѣса...

Игрэна. И онъ бѣжить... онъ бѣжить... онъ приближается къ оградѣ...

Кормилица. Крестьяне преслѣдуютъ его...

Селизета. Да вѣдь они убьютъ его!

Кормилица. Вотъ ему помощь... Стражники отворили ворота ограды... Они бѣгутъ ему навстрѣчу...

Селизета. Одинъ, другой, третій, четвертый, шестой, седьмой... Но вѣдь ихъ только семеро!

Кормилица. Крестьяне окружаютъ ихъ... Сотни крестьянъ.

Мелизанда. Что они дѣлаютъ?

Кормилица. Я вижу, какъ они пляшутъ вокругъ кого-то... Остальные упали...

Мелизанда. Это онъ... Я видѣла его синюю мантию... Онъ лежитъ на землѣ...

Кормилица. Они молчатъ... Поднимаютъ его...

Мелизанда. Раненъ онъ?

Игрэна. Онъ шатается.

СЕЛИЗЕТА. Я видѣла кровь... Онъ въ крови... Ариана!..
АРИАНА. Поди сюда, не смотри... Спрячь голову у
меня на груди...

КОРМИЛИЦА. Они приносятъ веревки... Онъ бьется...
Они связываютъ его по рукамъ и по ногамъ...

МЕЛИЗАНДА. Куда они? Они несутъ его... Поютъ и
пляшутъ.

КОРМИЛИЦА. Идутъ сюда... Вотъ уже на мосту...
Дверь отворена настежъ... Останавливаются... О, они бро-
сятъ его въ ровъ.

АРИАНА и остальные женщины виѣ себя съ криками метутся
у оконъ. Нѣтъ! Нѣтъ!.. Помогите!.. Не убивайте его!..
Помогите!.. Нѣтъ, нѣтъ! Не надо этого, не надо!..

КОРМИЛИЦА. Не слышатъ... Но ихъ толкаютъ другіе...

АРИАНА. Онъ спасенъ!

КОРМИЛИЦА. Сейчасъ они войдутъ сюда... Они у
воротъ...

Крики толпы, замѣтившей женщинъ
у оконъ: Откройте отворите! По-
томъ пѣніе.

Откройте ему двери,
Откройте ради Бога!
Свѣча его потухла,
Во тьмѣ его дорога.

КОРМИЛИЦА и остальные женщины говорятъ заразъ. Не
можемъ... Дверь заперта... Они ломаютъ ее... Она по-
дается!.. Слушайте... Они всѣ идутъ сюда... Вошли на
лѣстницу... Будемте осторожниѣ... Они пьяны...

АРИАНА. Я отворю дверь залы.

Женщины, въ себя, умоляютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ, Аріана!
Они пьяны!.. Берегись, они ужъ близко...

Аріана. Не бойтесь ничего, не подходите, я пойду
одна...

Пять женщинъ спускаются съ лѣстницы, ведущей отъ оконъ, отходятъ въ глубину залы и стоятъ тамъ, плотно прижавшись другъ къ другу, въ испуганномъ ожиданіи. Аріана, за которой слѣдуетъ кормилица, идетъ къ двери и отворяетъ ее настежь. Слышенъ шумъ толпы, которая всходитъ по лѣстницѣ, ревъ, пѣсни и хохотъ въ багровомъ свѣтѣ факеловъ. Наконецъ, въ отверстіе двери показывается первая кучка людей, идущихъ впереди толпы; она заполняетъ собою дверь, но не переступаетъ черезъ порогъ. Это крестьяне—иные веселые, иные свирѣные, иные оробѣвшіе. Одежда ихъ послѣ борьбы въ лохмотьяхъ и въ безпорядкѣ. Они несутъ Синюю Бороду, крѣпко связаннаго, и оставившись на минуту въ замѣшательствѣ при видѣ стоящей передъ ними, величавой, спокойной и царственной Аріаны. Въ глубинѣ, между тѣмъ, въ заднихъ рядахъ толпы, которая еще поднимается по лѣстницѣ и не видитъ происшедшаго, возня, ревъ и хохотъ продолжаютъ еще нѣкоторое время, потомъ стихаютъ, превращаясь въ почтительный и недоумѣнающій шепотъ. Въ ту минуту, когда

толпа запрудила дверь, пять женщин инстинктивно и молча падают на колѣни въ глубинѣ залы

Старый крестьянинъ, снявъ шляпу въ замѣшательствѣ теревить ее въ рукахъ. Сударыня, можно войти?

Одинъ изъ крестьянъ, которые принесли Синюю-Бороду. Вотъ принесли вамъ кладъ!

Другой. Теперь большого вреда онъ ужъ не сдѣлаетъ!

Первый крестьянинъ. Куда вамъ положить-то его?

Второй. Да вотъ положимъ въ уголь.

Третій. Поднимите ковры! Онъ весь въ грязи, все вамъ тутъ перепачкаетъ. Кладутъ Синюю-Бороду. Ну, вотъ... Больше не будетъ копошиться! Добился молодець... Ужъ и помучались же мы съ нимъ...

Другой крестьянинъ. Есть ли у васъ чѣмъ убить то его?

Ариана. Да, да, не бойтесь.

Крестьянинъ. Хотите,—поможемъ?

Ариана. Не нужно, мы сладимъ сами.

Третій крестьянинъ. Главное берегитесь, какъ бы не убѣжалъ. Открывая себѣ грудь. Поглядите, что онъ со мной сдѣлалъ...

Другой. А у меня смотрите-ка, руки-то... Вотъ сюда вошло, а отсюда вышло...

Ариана. Вы герои, вы наши спасители... Оставьте насъ на минуту, мы отомстимъ, какъ слѣдуетъ... Оставьте насъ... поздно... вы придете завтра... Вернитесь въ деревню и перевяжите ваши раны...

Старый крестьянинъ. Хорошо, хорошо... Мы ужъ знаемъ, что надо дѣлать. Сударыня, конечно не мнѣ объ этомъ говорить... Но вы были слишкомъ прекрасны... Прощайте..

Аріана, затворя дверь. Прощайте, прощайте, вы насъ спасли... Оборачивается и видитъ пестерыхъ женщинъ на колѣняхъ въ глубинѣ залы. Вы преклонили колѣни! Подходить къ Синей-Бородѣ. Ты раненъ?.. Да, вотъ кровь... Рана въ шею... Это ничего, не глубокая. Еще рана въ руку... Раны въ руки никогда не бываютъ опасны... А вотъ еще!.. До сихъ поръ льется кровь... Рука пробита насквозь... Нужно прежде всего перевязать ее!

Пока Аріана говоритъ, шесть женщинъ молча подходятъ одна за другою и, склонившись или ставъ на колѣни, окружаютъ Синюю-Бороду.

Селизета. Онъ открылъ глаза...

Мелизанда. Какъ онъ блѣденъ! Онъ вѣрно страдалъ...

Селизета. О, этотъ народъ ужасенъ!

Аріана. Принесите мнѣ воды, чтобы обмыть его раны.

Кормилица. Да, я схожу за ней.

Аріана. Есть ли у васъ очень тонкое полотно?

Мелизанда. Вотъ мой бѣлый вуаль...

Селизета. Онъ дышетъ тяжело, не поддержать ли мнѣ его голову?..

Мелизанда. Погоди, я тебѣ помогу.

Селизета. Нѣтъ, мнѣ помогаетъ Алладина...

Алладина дѣйствительно помогаетъ ей приподнять голову Синей-Бороды, котораго она, рыдая, украдкой цѣлуетъ въ лобъ.

Мелизанда. Алладина, что ты дѣлаешь?.. Тише, тише, а то опять могутъ открыться его раны...

Селизета. О, какъ горить его лобъ...

Мелизанда. Онъ обстригъ бороду... Онъ больше не такъ уже страшень...

Селизета. Нѣтъ ли у васъ немного воды?.. Лицо у него все въ пыли и крови...

Игрена. Онъ дышетъ съ трудомъ.

Ариана. Это душатъ его веревки, которыми онъ связанъ,—онъ такъ стянуты, будто ими хотѣли раздробить камень... Есть у васъ кинжалъ?

Кормилица. Тутъ на столѣ ихъ было два! Вотъ самый острый! Испуганно. Ты хочешь?..

Ариана. Да.

Кормилица. Но онъ не... Смотри, онъ глядитъ на насъ...

Ариана. Приподнимите-ка хорошенько веревку, чтобы мнѣ не ранить его...

Она разрѣзываетъ одну за другой веревки, которыми связанъ Синяя-Борода. Когда доходитъ до тѣхъ которыми связаны за спиной его руки, кормилица пытается удержать ее.

Кормилица. Подожди, пока онъ не заговорить... Мы еще не знаемъ пока...

Ариана. Есть у васъ мечъ?.. Клинокъ сломался, эти веревки очень тверды...

Мелизанда протягиваетъ ей другой мечъ. Вотъ другой!

Аріана. Благодарю.

Она разбираетъ послѣдніе узлы. Молчаніе, въ которомъ слышно прерывистое дыханіе женщинъ. Синяя-Борода, почувствовавъ себя свободнымъ, медленно приподнимается, садится, вытягиваетъ затекшія руки, шевелитъ пальцами и молча, пристально смотритъ поочередно на каждую изъ женщинъ; потомъ онъ встаетъ на ноги, опираясь о стѣну, и стоитъ неподвижно, разсматривая свою раненую руку.

Аріана, подходя къ нему. Прощай.

Цѣлуетъ его въ лобъ. Синяя-Борода дѣлаетъ инстинктивное движеніе, чтобы удержать ее. Она осторожно освобождается и идетъ къ двери вмѣстѣ съ кормилицей.

Селизета, бросаясь за ней и удерживая ее. Аріана! Аріана! Куда ты?..

Аріана. Далекѣе отсюда... Туда, гдѣ еще ждутъ меня... Ты пойдешь со мною, Селизета?

Селизета. Когда ты вернешься?

Аріана. Я не вернусь.

Мелизанда. Аріана!

Аріана. Ты пойдешь со мною, Мелизанда?.. Мелизанда смотритъ поочередно то на Синюю-Бороду, то на Аріану и не отвѣчаетъ.

Аріана. Смотри, дверь открыта, вонъ голубѣютъ поля... Идешь, Игрэна? Игрэна отвертывается. Луна и звѣзды

освѣщаютъ всѣ дороги, и заря наклоняется съ лазурныхъ сводовъ, чтобы показать намъ міръ, утопающій въ надеждѣ... Идешь, Беланжера?...

БЕЛАНЖЕРА сухо. Нѣтъ.

АРИАНА. Алладина, такъ я уйду одна?

При этихъ словахъ Алладина бѣжитъ къ Арианѣ, бросается ей на грудь и, судорожно рыдая, долго, лихорадочно обнимаетъ ее.

АРИАНА цѣлуетъ ее и тихонько освобождается, вся въ слезахъ. Оставайся и ты, Алладина... Прощайте, будьте счастливы...

Выходитъ поспѣшно, за ней кормилица. Женщины переглядываются, потомъ смотрятъ на Синюю-Бороду, который медленно поднимаетъ голову. Беланжера и Игрэна пожимаютъ плечами и идутъ затворить дверь. Молчаніе.

К о н е ц ъ.